После Февральской революции 1917 г. появились надежды на перемены в церковной жизни. Но дарованную свободу Церковь не смогла быстро оценить. Да и позиция правительства оказалась в итоге противоречивой: с одной стороны, оно поддерживало церковное движение за созыв Поместного собора, с другой – наступало на церковные интересы. Попытки урегулировать государственно-церковные отношения мало к чему приводили.

Государственно-церковные отношения в России при Временном правительстве

Валерий ВЯТКИН
– кандидат исторических наук,
доцент Пермского института
железнодорожного транспорта,
член Союза писателей России

В дни Февральской революции члены Синода явно выжидали. 27 февраля они отказались от предложения обер-прокурора Н.П. Раева опубликовать пастырское послание с резким осуждением революционных беспорядков, происходивших в столице, — синодалы предпочли отсиживаться. Понятно высказывание В.В. Розанова в 1918 г.: «...Церковь первая и развалилась, и, ей-ей, это кстати и *по закону*» [1]. Революционные настроения напрямую задевали интересы входивших в Синод архиереев: синодальную канцелярию в дни революции буквально засыпали требованиями о введении выборности епископата. Синод никак не отреагировал и на отречение императора от престола. Можно смело сказать, что иерархи были растеряны. С отречением императора 2 марта Церковь утратила основание, коим для нее было государство, и это грозило потрясениями. Но как только новая власть заявила о себе, синодалы поспешили высказаться в печати о ее признании — при всем том, что она не скрывала своего светского, вневероисповедного характера, что не была *миропомазана*, чего удостаивались российские монархи. Синодалы готовы были к компромиссу с новой властью. 29 апреля они подписали послание: «Происшедший у нас государственный переворот... обеспечил и Церкви возможность и право свободного устроения» [2, с.33].

Иные отводят от синодалов обвинения в сервилизме. Протоиерей Г. Митрофанов утверждает, что после Февральской революции «Церковь поста-

вили в очень сложное положение. Она, по существу, была в правовом отношении беззащитна перед новыми формами государственного устройства, которые могли стихийно нарождаться в условиях революции» [3, с.83].

Что до прочего духовенства, то в нем не было единомыслия во взглядах на новую власть. Конечно, Временное правительство чаще приветствовали. Архиепископ Тверской Серафим (Чичагов) писал: «Милостью Божией, народное восстание против старых бедственных порядков в государстве, приведших Россию на край гибели... обошлось без многочисленных жертв...» [4, с.140] Еще больше пафоса в словах архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого): «Двести лет Православная Церковь пребывала в рабстве. Теперь даруется ей свобода. Боже, какой простор!.. революция дала нам свободу от цезарепапизма...» [4] Немало и противоположных высказываний. Не скрывал своего сожаления об отречении императора архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий): «Если бы царь наш не отказался от власти и хотя бы томился в темнице, я увещал бы стоять за него и умирать за него...» [4, с.141] Другой архиерей — епископ Тихвинский Алексий (Симанский) писал 3 марта: «Читаем в телеграммах вести, которые меня, в частности, ужасают; и горько до боли и до слез... Господь да поможет бедной России, да изведет ее из бездны. У меня нет светлого взгляда на будущее» [5, с.18]. Совсем другое мнение Алексий высказал в своем официальном воззвании от 5 марта: «...православное духовенство призывает всех объединиться в горячей молитве к Милосердному Господу, да благословит Он в эти тяжкие минуты созидательную работу нового правительства...» [6] Возникают большие сомнения в искренности тех архиереев, кто приветствовал Временное правительство.

Приветствуя новую власть публично, такие, как Алексий (Симанский) старались дистанцироваться от нее на деле. В другом письме епископа читаем: «В ночь на 10-е (марта. — *В.В.*) мне звонили из Комитета* с просьбой экстренно распорядиться по церквам, чтобы везде 10-го были совершены панихиды по жертвам революции. Я решительно отказал в этом, сказав, что не желаю делать из церковной службы демонстрацию политическую... Церковь не должна служить политическим целям» [5, с.21]. Но епископ проявлял и определенную гибкость. В том же письме он пишет: «Мне думается, что духовенству следовало бы выбрать из своей среды представителя в Комитет» [5, с.22]. Пожелание епископа было удовлетворено: два клирика Новгородской епархии вошли в состав Комитета. «Я со здешним Комитетом вошел в деловые сношения» [5, с.31], говорится в другом письме Алексия. Впрочем, это не прибавило радости епископу: «Комитет во все вмешивается» [5, с.29] — жаловался он.

4 марта назначили нового обер-прокурора: им стал В.Н. Львов, многолетний член думской комиссии по церковным делам. Но при отсутствии императора сохранение обер-прокурорской должности, да и сохранение самого Синода, казалось нонсенсом. Уместны два объяснения: правительство не спешило ломать сложившиеся институты церковного управления, полагая, что предстоящий Поместный собор расставит все точки над «i»; предполагая в Церкви оппозиционную сторону, власть не хотела терять над ней своего контроля.

* Комитета общественного спокойствия, подчиненного Временному правительству.

О позиции Львова синодалы узнали 25 апреля, когда он обратился к ним с речью: «Обер-прокурорская власть всеми силами стремится к свободе Церкви... но в настоящий момент... он (обер-прокурор. — *В.В.*) не может... не вмешиваться в жизнь Церкви. К этому вынуждают обер-прокурора многие настроения в жизни Церкви... Епископат... потерял почти всякий кредит... соберется Собор, который определит нормы жизни церковной... тогда обер-прокурорская власть... отойдет в сторону...» [2, с.16-17]

Итак, главная цель, провозглашенная Львовым, — скорейший созыв Поместного собора, а до созыва Церковь должна подчиняться государственному диктату. Стало быть, Церкви еще только предстояло получить свободу. Существует объяснение, почему временные ратовали за соборное начало в церковной жизни: им казалось, что Собор отсеет от Церкви всех потенциальных противников новой власти.

В своей апрельской речи Львов предстал решительным противником самовластия епископата, считая панацеей введение принципа выборности. Примеры епископского самовластия были ему известны уже по предреволюционным годам. Говоря о самовластии, Львов словно опровергал мысль о пленении Церкви государством в синодальный период. Можно судить и о некоторой ангажированности обер-прокурора. По мнению А.В. Карташева, Львов «не имел достаточно политического воображения и политического радикализма, чтобы расстаться с вожделенным титулом обер-прокурора и его подавляющею властью над архиереями».

Антиархиерейская позиция Львова обозначилась сразу. Кого-то из архиереев он изгнал из Синода, кого-то лишил кафедры. 14 апреля он волюнтаристски распустил Синод, новый его состав назначило Временное правительство (читай: Львов). Иные спрашивали тогда, не поспешила ли Церковь с признанием новой власти? Понятно мнение жившего в то время профессора Пермского университета Н.Н. Фиолетова: «Временное правительство не только сохранило, но и усилило обер-прокурорскую власть» [7]. В архиерейских отставках Львову помогали епархиальные съезды, проводившиеся в апреле по его инициативе. Сценарий проведения съездов был часто вольным. 24 апреля Серафим (Чичагов) писал Львову: «При насильственном появлении ста депутатов-крестьян сверх полагавшихся... съезд превратился в Учредительное собрание» [8] (в Твери потребовали ухода Серафима). Можно вполне согласиться со священником Ильей Соловьевым: «Революция выплеснула наружу и накопившиеся внутри Церкви за период самодержавия кризисные явления...» [9]

Современная исследовательница Т.Г. Фруменкова подсчитала, что Львов уволил около 20 епархиальных архиереев. По мнению епископа Пермского Андроника (Никольского), перемена эта грозила привести «к полному порабощению Синода вневероисповедным государством...» [10, с.271] У Львова появлялись все новые основания для архиерейских отставок. К нему приходили телеграммы из епархий с требованиями об удалении епископов. Но они в известной мере провоцировались самим Львовым. Архиереев обвиняли обычно в неспособности и реакционной деятельности, угрожающей общественной безопасности. Так, летом 1917 г. Львов получил телеграмму: «Мы, граждане г. Оренбурга, желаем удалить с Оренбургской кафедры бездарного и безвольного епископа Мефодия (Герасимова. — *В.В.*)» [11]. Но винить можно не одного Львова. Проводниками антиархие-

рейской политики на местах были комиссары Временного правительства. В сентябре 1917 г. об отставке епископа Тобольского Гермогена (Долганева) просил тобольский комиссар временных. Для беспрепятственной отставки того или иного епископа Львов мог, по получении телеграммы, пригласить в столицу депутатов от духовенства и мирян. Так поступил он по делу епископа Петропавловского Мефодия (Красноперова).

Антиархиерейские выступления Львова стали притчей во языцех. И потому родилось мнение, что с марта 1917 г. самодержавная опека Церкви сменилась революционным диктатом. Методы революционного обер-прокурора оказались более резкими, чем у его предшественников, а вмешательство в дела Церкви — «более грубым и бесцеремонным» [12, с.65].

Справедливости ради заметим, что синодалы слегка фрондировали: 13 марта они постановили составить записку Временному правительству с протестом против антиархиерейских действий Львова. Выступление синодалов вызвало восторг у иных архиереев на местах. Епископ Андроник (Никольский) заявил: «Если правильно писали газеты о конфликте в Синоде с обером, то только радоваться надо за дерзновение... Вот бы синодалам и объединиться на дело, никто бы их не посмел ослушаться» [10, с.253]. У синодалов были и другие поводы возмущаться: государственное финансирование Церкви резко сокращалось.

Тем не менее обвинение синодалов в косности не совсем корректно. Иные их инициативы значимы и для современной Церкви. По итогам заседания 2 мая протопресвитер Николай Любимов записал: «Когда речь зашла о порядке награждения в настоящее время, то все почти высказались за то, что награждения орденами теперь уж быть не должно, да и духовные-то награды... должны бы прекратить свое бытие» [2, с.54].

Что до Временного правительства, то в нем мало кто интересовался Церковью. Алексий (Симанский), к примеру, ничего доброго не ждал от «более чем холодного отношения к религии и к Церкви, которое изъявляет... правительство» [5, с.23].

И все же новая власть оформила свою церковную программу, которая явилась торжеством духа либерализма. Ее основные компоненты: 1) свобода совести для всех религий, под которой понималась и свобода религиозной пропаганды; 2) государство не препятствует соборному самоуправлению Русской православной церкви (РПЦ); 3) обер-прокурор Синода не должен брать на себя государственную опеку над Церковью. Уже 20 марта новая власть приняла Постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Постановлением, в частности, гарантировалось равенство всех религий. Казалось бы, вполне безобидный акт, но иные увидели в этом определенную тенденцию.

Многие церковные вопросы власть решала без консультаций с Синодом, порой вмешиваясь в «каноническую» жизнь Церкви. При этом Алексий (Симанский) будто бы оправдывает правительство: «Но какой развал и в самой Церкви!» [5, с.30].

Рассчитывая на освобождение от синодальных пут, Церковь отнюдь не ждала крайностей в религиозной политике новой власти. Возникший в марте «Союз прогрессивного петроградского духовенства» осудил царскую власть за ее порабощение Церкви и заявил: «Только свободная Церковь может служить благу народа». Примерно в то же время, по инициативе депутатов Госу-

дарственной думы от духовенства и членов других фракций, был создан «Совет по делам Православной Церкви». Совет провел ряд съездов епархиального духовенства, которые поддержали новую власть и потребовали больших перемен в церковной жизни, в частности выборности епископата. Временное правительство не препятствовало подобной активности. Стимулировали ее и синодалы. В их послании к пастве, датированном 29 апреля, говорится: «Вам дарована ныне свобода решать вопросы церковного устроения по собственному разумению» [3, с.34]. Не всем епископам это нравилось. Алексий (Симанский) писал: «...теперь власть толпы... чернь господствует...» [5, с.32]

Чаяния Церкви выразились и в соответствующем проекте, принятом 13 июля 1917 г. советом, готовившим Поместный собор. В проекте записали о свободе и первенстве Православной церкви, об ограничении над ней государственного надзора и о продолжении государственных субсидий Церкви. О свободе совести здесь, конечно, не говорится.

Не будем сбрасывать со счетов мнения и советских историков. В 1964 г. Е.С. Осипова писала о стремлении РПЦ и Временного правительства к союзу [13]. Союз с Церковью *временным* был выгоден уже потому, что Церковь оказывала государству определенную поддержку. С церковных амвонов звучали призывы довести войну до победного конца, в храмах собирались пожертвования на военные нужды, Церковь пропагандировала государственный заем Временного правительства.

Иерархи по разным причинам спешили с проведением Собора. Одна из них состояла в том, что им требовалось еще до открытия Учредительного собрания выработать доктрину отношений с государством, чтобы Церковь предстала на Соборе «не в качестве просительницы... а в качестве, по крайней мере, равномерной ему (государству. — *В.В.*) силы...» [14]

А *временные*, похоже, не собирались терять контроль над Церковью. Не случайно Алексий (Симанский) заметил 22 августа: «Насколько странно постановление правительства о незыблемости нынешних церковных учреждений и представлении соборных постановлений на уложение Временного правительства» [5, с.48]. По мнению священника А. Николина, «противоречивость вероисповеднической политики Временного правительства проявлялась... в тех нередких случаях, когда у Церкви отбирались типографии, земли, дома и даже некоторые храмы, монастыри» [15].

14 июля Временное правительство приняло Постановление «О свободе совести». Переход из православия в другую веру теперь становился делом простым и не влекущим за собой дискриминационных мер. Ни о каких преференциях для Православной церкви речь не шла. Намерение превратить Россию во внеконфессиональную страну не обещало каких-либо связей государства с Церковью. Но отделения ее от государства при Временном правительстве не произошло, что позволяет говорить о его конфессиональном статусе. По мнению А.В. Карташева, правительство стремилось не к отделению Церкви, а к ее *отдалению*, подчеркивая этим свою секуляризованность. Однако связь государства с Церковью в синодальный период была настолько тесной, что *отдаление* Церкви от государства при Временном правительстве существенно ослабило обе стороны.

Закон Божий, согласно Постановлению от 14 июля, теперь считался не обязательным для школы предметом. Таким образом, в стране разрушалась

система православного воспитания. Важным элементом этой системы были церковноприходские школы, но их передали в ведение Министерства народного просвещения уже 20 июня. Церковь потеряла 37000 школ.

Экспроприация церковноприходских школ и подобные действия новой власти позволили заключить: «Церковь оказалась препятствием на пути амбициозных реформаторов и ниспровергателей. Эпоха гонений на нее уже началась» [12, с.67]. Гораздо раньше по этому поводу высказывался Алексий (Симанский): «Монастыри положительно грабят, например, наш монастырь, Хутынский, должен уплатить подоходного налога шесть тысяч рублей...» [5, с.78] Но есть факты, отводящие от крайних взглядов. К примеру, в мае 1917 г. Временное правительство предоставило отсрочку от исполнения воинской повинности поступающим в вузы после окончания четырех классов духовной семинарии. При всей скудости располагаемых средств временные субсидировали работу Поместного собора, выделив на его нужды 2 миллиона руб. И еще, 7 октября 1917 г., когда многие церковные структуры подвергались нападениям, Главное управление милиции МВД издало циркуляр, в котором говорилось: «Мы признаем необходимость неослабной охраны церквей, монастырей и их собственности».

21 июля главой Временного правительства стал А.Ф. Керенский, также не обещавший защищать Церковь. Вскоре создали Министерство исповеданий, которое и должно было заниматься обеспечением свободы совести. В постановлении об учреждении министерства говорится об организационном его устройстве и компетенции, о том, что руководители министерства должны быть православными. Должность обер-прокурора упразднялась.

Главное назначение нового министерства состояло в контроле над тем, чтобы Церковь не нарушала светское законодательство. Деятельность министерства не обходилась без крайностей, без грубого вторжения во внутрицерковную жизнь. В сентябре 1917 г. Карташев предложил Синоду удалить из Тобольска епископа Гермогена (Долганева), в октябре — рассмотреть ходатайство об удалении из Сарапула епископа Амвросия (Гудко).

На основании изложенного можно утверждать, что при Временном правительстве действовала специфическая транзиторная модель государственно-церковных отношений, назовем ее синодально-секулярной.

Выявим специфические особенности этой модели и ее роль в истории нашей страны.

- Сочетание предыдущих внешних форм церковного управления с тяготением правительства к вневероисповедной политике. Произошло то, чего боялся профессор Казанской духовной академии И.С. Бердников, — смешение двух правовых систем государственно-церковных отношений: российской системы веротерпимости и западной системы свободы совести, а это влекло Россию к религиозному индифферентизму.
- Церковной политике светской власти характерна противоречивость, что, однако, неизбежно для транзиторной модели.
- Правительство не спешило с демонтажом предыдущего типа государственно-церковных отношений: Министерство исповеданий создали лишь через полгода.
- Стороны стояли на пороге враждебности: правительство видело в Церкви своего потенциального противника — Церковь обвиняла власть в безбожии.

- Был реализован первый опыт сотрудничества Церкви с позиционировавшим себя вне религии государством.
- Диссонанс в государственно-церковных отношениях усугубился тем, что перемены в церковной жизни произошли гораздо позднее, нежели перестройка государства.

Вне всяких сомнений, синодально-секулярная модель испытала не себе влияние ранее сформировавшихся моделей. О передаче церковных школ в ведение Министерства народного просвещения речь шла уже в 1910 г. Но самое главное — продолжал действовать Синод с обер-прокурором при нем.

Можно с уверенностью говорить и о том, что синодально-секулярная модель повлияла на советский тип государственно-церковных отношений, а именно:

- Постановление Временного правительства «О свободе совести» стало прецедентом для большевистского Декрета об отделении Церкви от государства.
- Запреты *временных* на преподавание Закона Божия облегчили большевикам кампанию по расхристианизации образования.
- Наблюдая за наступлением *временных* на Церковь, большевики видели, как это часто не замечается общественным мнением, и, придя к власти, они уверенно пошли в атаку на православие.
- Оттеснение епископата на задний план, начатое в марте 1917 г., было продолжено при советской власти.
- *Временное* правительство предоставило коммунистам пример, как государство, позиционирующее себя вне религии, может использовать патриотический ресурс Церкви.
- *Временные* дали своим преемникам и прецедент удушения церковных структур непомерными налогами.
- Первый Совет по делам Русской православной церкви появился именно в «буржуазно-демократической» России.

Таким образом, религиозная политика Временного правительства была увертюрой к большевистским атеистическим маршам.

Литература

1. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. СПб., 2001. С.25.
2. Цит. по: Любимов Николай, протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918). М., 1995.
3. *Митрофанов* Георгий, протоиерей. История Русской Православной Церкви: 1990-1927. СПб., 2002.
4. Цит. по: *Хижий Максим*, протоиерей. Патриарх Сергий (Страгородский) и его церковно-политические взгляды // Альфа и Омега. 2007. № 2.
5. Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000.
6. Цит. по: *Казем-Бек А. Л.* Жизнеописание Святейшего Патриарха Алексия I // Богословские труды. 1998. № 4. С.72.
7. *Фиолетов Н. Н.* Церковь в обновленном государстве. М., 1919. С.12.
8. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 154. Л.5.
9. *Соловьев Илья*, священник. Церковь и революция // Российская Церковь в годы революции (1917–1918). М., 1995. С.7.
10. *Священномученик Андроник* (Никольский). «Пишу от избытка скорбящего сердца» // Сб. писем. М., 2007.
11. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 86. Л.34.
12. *Гайда Ф.А.* Русская Церковь и политическая ситуация после февральской революции 1917 г. // Из истории российской иерархии: статьи и документы. М., 2002.
13. *Осипова Е.С.* Церковь и Временное Правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С.66.
14. Всероссийский церковный общественный вестник. 1917. 20 мая. № 30. С.3.
15. Цит. по: Церковь и государство (история правовых отношений) / Сост. священник Алексей Николин. М., 1997. С.146-147.